

DOI: 10.17516/1997-1370-0908
УДК 009

Modern Youth Culture in the Discourse of Fyodor Dostoevsky's Philosophizing

Olga A. Karlova^a and Oleg V. Myasoutov^b

^a*Siberian Federal University*

Krasnoyarsk, Russian Federation

^b*Siberian Institute of Business, Management and Psychology*

Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 31.01.2022, received in revised form 10.02.2022, accepted 16.02.2022

Abstract. The article reflects the scientific discussion about the specifics of modern youth and youth culture, reveals the need to consider them from the standpoint of cultural studies in the context of the cultural identification field of a particular national culture. The article is an experience of such consideration when the data of the sociological study of the cultural meanings of the student youth of the city of Krasnoyarsk are interpreted in the discourse of Russian philosophizing by Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. A reasonable conclusion is made about the need for «soil» (Dostoevsky's term) as a navigator of youth in the new technological and social reality. At the same time, modern youth culture is considered as a specific cultural autonomy, tending to go beyond the formal framework of the generation, in connection with which the problem of creating a competitive cultural field of the «Russian world» is even more urgent.

Keywords: young people, youth culture, national culture, the Russian world, Russian philosophizing, the discourse of F. M. Dostoevsky's creativity, national-cultural «soil», intergenerational dialogue.

Research area: theory and history of culture, art.

Citation: Karlova, O.A. Myasoutov, O.V. (2022). Modern youth culture in the discourse of Fyodor Dostoevsky's philosophizing. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 15(2), 254–264 DOI: 10.17516/1997-1370-0908

Современная молодежная культура в дискурсе философствования Федора Достоевского

О.А. Карлова^а, О.В. Мясоутов^б

^аСибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

^бСибирский институт бизнеса, управления и психологии

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье отражена научная дискуссия о специфике современной молодежи и молодежной культуры, вскрыта необходимость рассмотрения их с позиций культурологии в контексте культурно-идентификационного поля той или иной национальной культуры. Статья представляет собой опыт такого рассмотрения, когда данные социологического исследования культурных смыслов студенческой молодежи города Красноярска интерпретируются в дискурсе русского философствования Федора Михайловича Достоевского. Делается обоснованный вывод о необходимости «почвы» (термин Достоевского) как навигатора молодежи в новой технологической и социальной реальности. При этом современная молодежная культура рассматривается как специфическая культурная автономия, тяготеющая к выходу за пределы формальных рамок поколения, в связи с чем еще более актуализируется проблема создания конкурентного культурного поля «русского мира».

Ключевые слова: молодежь, молодежная культура, национальная культура, русский мир, русское философствование, дискурс творчества Ф. М. Достоевского, национально-культурная «почва», межпоколенческий диалог.

Научная специальность: 24.00.01 – теория и история культуры (культурология).

Дискуссионность проблематики

Вопрос о молодежи и ее культуре был и остается одним из самых дискуссионных в современной социальной философии. Молодежь, с одной стороны, «присутствует» на различных стадиях социально-исторического генезиса в качестве специфической возрастной группы и сменяющих друг друга поколений. Каждая культурно-историческая эпоха имеет таким образом «собственную» молодежь, исследования культуры которой основываются на обобщенном анализе накопленных научных данных о социокультурных особенностях, ментальных и поколенческих отличиях молодежи данной эпохи. Ученые задаются вопросом, можно ли вообще использовать термин «молодежная культура» в отношении к институции, в которую каждый субъект включен по возрастному принципу, ссылаясь при этом на статью британского социолога Шейлы Аллен «Некоторые теоретические

проблемы в изучении молодежи». Она доказывала, что существуют системные различия в поведении разной молодежи и обращаться ко всем молодежным группам как к частям одинаковой молодежной культуры – значит спорить на высоком уровне абстракции о том, что у молодежи общие психосоциальные проблемы (Fedorova, 2020).

С другой стороны, молодежь и ее культура представлены в общественном сознании и идеологии человечества в виде определенных бытующих концептов и культурных форм разных эпох, обладающих тем не менее известным сходством специфических культурных смыслов. Исследователи, например, отмечают тот факт, что молодежь всегда ассоциировалась с инновациями и чем-то новым, поскольку биологическая и социокультурная гибкости дают ей возможность остро чувствовать и быстро реагировать на изменения в обществе (Omelchenko, 2019).

С этим базисным противоречием, лежащим в основе многочисленных дискуссий, коррелируется другое, не менее фундаментальное, связанное с ролью молодежной культуры, как в общем русле культурной жизни человечества, так и в каждой конкретной национальной культуре. Например, утверждая, что «появление феномена молодежной культуры во многом совпадает с проявлением модернистских тенденций в социокультурном развитии российского социума» (Gurevich, 1995: 155), П. С. Гуревич фактически выводит базовые молодежные культурные смыслы 90-х годов из идей постмодерна 60–70-х годов XX века. Схожие выводы сделаны в некоторых зарубежных исследованиях, в которых молодежная культура мыслится как проявление «автономного социального элемента, продуцирующего собственные смыслы и тексты, имеющего собственную идентичность, репрезентирующую ее при помощи особых культурных кодов, тем самым создавая уникальную символическую структуру» (Kashpar, 2019: 61) в качестве ответа на «состояние постмодерна» (Mooge, 2004).

Пересечение различных пониманий терминов «молодежь» и «молодежная культура», актуализация различных аспектов их содержания в последние полвека породили не только многообразие научных подходов по отношению к ним (социологический, культурологический, культурно-антропологический, социально-философский), но и разные тренды их изучения в той или иной национальной научной традиции. Так, в отечественной науке возобладал в основном стратификационный подход: в соответствии с ним молодежная культура изучается чаще всего в рамках социологических и социально-философских исследований. Отечественные культурологи по большому счету пока лишь «приглядываются» к данной проблематике, рассматривая феномены молодежи и молодежной культуры в дискурсе отношения базовой культуры: молодежь как проблема; как страх; как надежда; как зависть; как символ. Распространена традиция выводить культурное содержание исследуемых фе-

номенов из преимущественно социальных оснований. Молодежная культура, по мнению Р. Мура, является некой образующей моделью для социальности молодежи и позволяет ей, усвоив культурный код, творить и быть активными участниками социокультурных процессов и перформансов (Mooge, 2004). Более четко эту позицию прописывает экстернальный подход (Shchepanskaya, 2004). Предложенный Т. Б. Щепанской термин «экстернальная культура» призван объяснить промежуточную позицию молодежной культуры в социокультурной системе как альтернативной формы культуры. Некоторые исследователи считают эту культурную «промежуточность» порождением двух видов социокультурных связей: первый, опирающийся на социокультурные ценности молодежи, основанные на ее традиционных интересах и потребностях; и второй, базирующийся на развитии современных социокультурных технологий (Medved, Kiseleva, Levina, 2020).

Есть перспективные попытки оценить феномен молодежи с точки зрения анализа его конкретных социокультурных воплощений. Так, Е. Л. Омельченко, исходя из того, что, «с одной стороны, российская молодежь, по сравнению с западными сверстниками, в меньшей степени включена в международную мобильность, с другой – она плотно вовлечена в глобальные молодежные тренды», делает вывод: «на формирование особых молодежных солидарностей или культурных молодежных сцен не в меньшей степени (а в конкретной российской ситуации – в значительной степени) влияют государственные дискурсы в отношении молодежи, локальные условия взросления, гендерные, религиозные и этнические режимы нормативности и, конечно, уровень и качество жизни в целом» (Omelchenko, 2020: 8). Все более распространенной является точка зрения, что основу жизненных трендов современной молодежи сегодня представляет мейнстрим как «набор принятых, широко употребляемых культурных стандартов» (Yusupzyanova, 2018: 151). Мейнстримную молодежную культуру, по мнению исследователей, характеризуют такие аспекты,

как широкое распространение в молодежной среде, маркетинговая составляющая, кратковременность, охват всех социокультурных сфер, следование моде, фальсификация ценностей, парадоксальность, наличие сленга (Yusupzyanova, 2018). Обращает на себя внимание тот факт, что, даже рассматривая феномен молодежной культуры, исследователи предпочитают самые разные методы исследования (экономический, исторический, ценностно-философский, филологический), но довольно редко используют научное поле культурологии и культурно-идентификационные методы.

Методологические подходы

Однако если в основе смысловой парадигмы современной молодежи лежат «культурные стандарты», «религиозные и этнические режимы нормативности», то представляется логичным, что ключевым подходом должен выступать подход культурологический. Более того, если речь идет о современной российской молодежи и ее культурных трендах, то такой социокультурный портрет нуждается в интерпретации с позиций той культуры, частью которой данная молодежная культура является. Нам представляется, что культурно-идентификационные методы, в частности русское философствование, позволяют увидеть новые грани портрета современной российской молодежи и ее культуры. Так, российским людям легче представить себе смену господствующих в обществе моделей человека не как выводы историков и этнографов, а как цепочку литературных героев. В русской литературной классике, стремившейся раскрыть ландшафты человеческой души, благодаря русскому философствованию образы современников всегда получались выпуклыми, впечатляющими, доступными для понимания. Под термином «русское философствование» мы понимаем культурно-идентификационную мыслительную деятельность по определению своеобразия нашего национально-культурного мышления о мире и человеке. Российское общественное сознание в лабиринтах истории выбрало не проложенный Западом путь

профессиональной философии, а создание оригинальной «мыслительной среды обитания для разных умов, где они могут общаться между собой, находить общие темы и вопросы» (Karlova, 2008: 25). Русское философствование – культурное завоевание, носителем которого была и остается не только интеллигенция, но и все без исключения слои населения страны. Однако совершенствовался этот особый жанр словесности, конечно, благодаря нашим классикам: практически они все приложили к этому руку и перо, но вершиной развития русского философствования справедливо считаются размышления о человеке и эпохе в романах Льва Толстого. Вместе с тем на почве русского философствования вырос также писатель, который заслужил славу не только русского, но и мирового философа, – Федор Михайлович Достоевский. Самый русский из мировых философов и наиболее «общечеловеческий» из русских писателей, Достоевский в XXI веке обрел славу одного из самых популярных мыслителей человечества. Как справедливо отмечает один из ведущих исследователей Достоевского в России и в мире Игорь Волгин, «его мирозерцание противопоставляет «классическому» славянофильству не в меньшей мере, чем «классическому» западничеству» (Volgin, 2017: 483). Способность его культурно-философских текстов к актуализации через века и культурные эпохи позволяет, на наш взгляд, плодотворно использовать их дискурс в оценке современной российской молодежной культуры.

Для эмпирического исследования особенностей современной молодежной культуры мы привлекли 100 студентов ведущих высших учебных заведений Красноярска (от 18 до 24 лет), отобранных методом случайной выборки. Исследование проводилось в августе-сентябре 2021 года (частично результаты исследования опубликованы в виде стендового доклада в рамках Международной научно-практической конференции «От научных исследований к образовательной политике», 17–18 ноября 2021 года). В рамках исследования нами были использованы методы, позволяющие вычлени-

ведущие смыслы молодежной культуры: фокус-группы и анкетирование.

Гипотеза

И ученые, и критики, и литераторы неоднократно замечали, что у Достоевского нет привычной для второй половины XIX века «натуральной» сочности и жизненной «объемности» образов. Не случайно разные художники иллюстрировали его романы по преимуществу графическими рисунками, не находя в них цвета и осязаемого колорита времени. Пожалуй, никто никогда не называл Родиона Раскольников «героем» или даже «антигероем» своего времени. Скорее всего, по той простой причине, что примет исторического времени в романе почти нет. Но если персонажи Достоевского не привычные нам типы эпохи, то кто же они? Зачем автор рассказывает о них с таким трагическим пафосом? Мы полагаем, что рассуждая о вечном «человеческом в человеке», Достоевский не только во многом предугадал варианты сценариев будущего России и мира, но и ближе всех в русской классике подошел к пониманию модели формирующейся сегодня личности молодого человека и молодежной «культуры желаемого настоящего».

Современная молодежь в дискурсе философствования Достоевского

О Достоевском писали и пишут без преувеличения сотни критиков и ученых. Но, пожалуй, первым, кто вплотную приблизился к тайне философствования Достоевского, был советский филолог и философ Михаил Михайлович Бахтин. Почти 100 лет назад, в 1929 году, он метко оценил созданный писателем новый тип романа, назвав его «полифоническим» (Bakhtin, 1994), многоголосым. Потому что в этом романе – наряду с авторским голосом – равноправно сосуществуют множество голосов и сознаний. «Каждое мнение у него, действительно, становится живым существом и неотрешимо от воплощенного человеческого голоса» (Bakhtin, 1994: 25). Таким образом, «в Достоевском Бахтин видит нова-

тора развития ... небывалой диалогизации литературы» (Rodin, 2021: 43).

Мир еще в XX веке признал, что в умении слышать, изображать чужие идеи и сталкивать их в диалоге Достоевский может сравниться только с Данте. Но вряд ли кто-то тогда мог представить себе, насколько этот диалог сознаний будет близок именно нашему сегодняшнему времени. То, что потребность в равноправном диалоге составляет главный нерв сегодняшней эпохи, доказывают не только выступления мировых политиков о многополярности современного мира, не только процветающая в нас толерантность к различным взглядам, культурам и религиям. Права участвовать и быть услышанными в межпоколенческом диалоге сегодня требуют уже не какие-то отдельные молодые реформаторы: это базовое требование современной молодежи как таковой. Поскольку в нынешнем российском обществе в отличие, например, от Китая нет единой общенациональной идеологии да и нравственные устои России пострадали в годы «бескровной революции» 1990-х, старшему поколению кажется, что дети и молодежь сегодня безразличны к главным вопросам российской жизни. Вряд ли это утверждение верно. Просто в нужный момент молодое поколение не часто получает ответы на эти вопросы, более того – многие просто не находят, с кем о них можно искренне поговорить. Проведенное нами социологическое исследование показало, что глубокий и интересный диалог с учителем или преподавателем, по мнению студентов, главный способ совершенствования образования и воспитания. Заметим, не рассказ учителя, пусть даже очень увлекательный, а диалог, с неудобными вопросами, с другими мнениями, часто даже неприятно откровенными для нас. В традиционной педагогической схеме, когда есть два мнения (мое и неправильное), диалог мыслится как ответ ученика, желательно ожидаемый, на хрестоматийный вопрос учителя. В отстаиваемой студентами педагогической парадигме диалог представляется иным: здесь самая высокая оценка может быть поставлена за убедитель-

тельно сформулированные сомнения в верности традиционной истины, за наполненную глубоким смыслом формулировку вопроса – иначе говоря, за напряженную работу собственной мысли ученика. Достоевский, указавший нам этот путь, среди своих современников – явление исключительное. Помимо одаренности у него был еще уникальный жизненный опыт, которого хватило бы на десяток человеческих судеб. Выпускник Главного инженерного училища, вошедший во взрослую жизнь чертежником петербургской инженерной команды, он одновременно стал одним из самых образованных литераторов того времени, переводчиком многих европейских романистов; автором, обласканным Белинским за первый свой роман, но уже за второй низвергнутым тем же Белинским с пьедестала «нового гения». Достоевский вступил в члены тайного общества петрашевцев, планировавших государственный переворот, стал узником Петропавловской крепости, пережившим смертный приговор и его отмену после гражданской казни – и он же поехал на восьмилетнюю сибирскую каторгу уже поборником православия, взяв с собой только Библию, подаренную женами декабристов в Тобольске. Это был человек, вынесший с каторги не только хвори и болезни (среди которых была и эпилепсия), но и «Сибирскую тетрадь» с записями о жизни каторжан, ссыльных и всевозможных разночинцев в Семипалатинске, Кузнецке, Барнауле. После восстановления Александром II в дворянском звании петрашевцев и декабристов Достоевский занялся журналистикой в Твери и Петербурге, не пропуская ни одного судебного процесса, публикуя на их основе свои статьи и книги. При первой же возможности он проехал практически всю Европу, присматриваясь к тамошней жизни, пристрастился к карточной игре, что сделало его завсегдатаем игорных домов, а изменчивое карточное счастье не раз ставило перед ним вопрос о «легком выходе» из жизненных тупиков. И все это Достоевский переплавлял в свои газетные и журнальные статьи, в ткань своих романов.

Но не затем лишь, чтобы описать свою биографию или биографию своего поколения. Он хотел понять, как из обычного человеческого настоящего прорастает будущее человечества, он хотел угадать это будущее, стремясь показать до конца, до предела, куда заведет того или иного персонажа его идея. Философ как бы перебирал варианты будущего России. И общепризнано, что многие из его личностей-идей нашли свое воплощение в катастрофах мировой истории XX и XXI веков – в типажах революций, гражданских войн и фашистских путчей. Одна из причин этого в том, что историческое время было для писателя несущественно, он писал не о помещиках и крестьянах, не о разночинцах и судейских. Цель его была иная – «найти человека в человеке», изобразить «глубины души человеческой» и «переулки» человеческого сознания (Bakhtin, 1994: 79). «Человеческое» у Достоевского – это огромный потенциал идей и одновременно их уникальное сочетание. В «Бесах» Шатов говорит Ставрогину: «Мы два существа и сошлись в беспредельности ... в последний раз в мире. Оставьте ваш тон и возьмите человеческий! Заговорите хоть раз в жизни голосом человеческим» (Dostoevsky, 1974: 195). Но ведь понять «человеческое в человеке», то есть все разнообразие того, что в человеке заложено, это как раз сегодняшнее ощущение жизни XXI века, это фокус современной молодежной культуры. Остались в прошлом и советский классовый принцип определения людей, и молодежные идеалы, воплощенные в конкретных героях (типа Гагарина или Че Гевары), и споры о «физиках» и «лириках», об «интеллектуалах» и «интеллигентах». В этом смысле идеалов у сегодняшней молодежи как бы нет вообще. Зато каждый почувствовал собственный интерес к самому себе как к человеку. Современные студенты формулируют свои жизненные цели «почеловечески» неопределенно: большинство просто хочет, закончив университет, «стать независимым, найти себя». Добавим, что это и не цель в полном смысле слова: это просто «самоосознание», в котором не про-

смаатриваются четкие контуры задач и этапов. К примеру, и выпускники школ на вопрос «Кем хотите стать?» тоже вполне в духе Достоевского отвечают: «Человеком успешным, реализованным». Для антропологического анализа это слишком абстрактно, но совершенно нормально для современного клипового молодежного сознания. С одной стороны, к этой социологической и профессиональной неопределенности молодежи трудно подступиться: она представляет серьезную научную проблему. Но необходимо признать, что она является адекватным ответом нового поколения на вызовы времени. Неопределенность – это, в известном смысле, готовность ко всему, обеспечивающая быстроту и подвижность реакции. Она позволяет молодежи, не скованной конкретными целевыми ожиданиями, легче вписываться в сегодняшнюю жизнь с ее комплексностью, новыми средами реализации и сверхдинамичными темпами изменений. И что характерно: впервые российское общество столкнулось с таким «вихревым» движением жизненных сюжетов именно в романах Достоевского. Созданные писателем жизненные «вихри» высокой напряженности, соединяющие все существенное разом в одном ряду, «здесь и сейчас» как будто бы перенесли в его романы из нашего времени. Современные молодые люди хотят максимально полно жить «здесь и сейчас», не откладывая что-то значимое на будущее. Иначе говоря, перед нами молодежная «культура желаемого настоящего». Год от года увеличивается число школьников, с которыми практически не срабатывают такие стимулы в учебе, как обещание чего-то, скажем, «в будущее воскресенье», не говоря уже о более отдаленных перспективах. Увеличивается число молодых специалистов, готовых уволиться с работы, если служебная необходимость мешает, например, уехать к морю в желаемый период. Многие студенты разных специальностей в опросе высказывают желание после вуза «работать на себя», потому что в этом случае «когда хочу, тогда и еду куда хочу». Социальные сети заполнены блогерами, готовыми в вир-

туальном мире жить под маской как бы реализованного «желаемого настоящего», чтобы собирать «лайки», подписчиков и получать рекламную прибыль. В своем сознании современная молодежь – теперь уже с помощью виртуальной среды – «прогибает мир под себя», игнорируя до поры до времени возможный драматизм столкновения двух реальностей. Получается, что для современного молодого человека, как и для персонажей Достоевского, не очень существенно, кто он есть в реальном мире, значительно более важно, как он осознает себя (Bakhtin, 1994: 47).

Герои писателя тоже большей частью молоды и очень интересны сами себе; они бескомпромиссны к среде и к надобностям других; они также не озадачиваются будущим, а их биография и фактор семьи практически не существенны, когда речь идет о их личном понимании мира. Они живут «здесь и сейчас», настаивают на своем свободном выборе и самореализации. В них, конечно, есть и то, что объединяет всех российских людей: это желание спорить с несовершенными законами и укладом жизни, отстаивая справедливость. Это главная черта русского философствования – обостренное ощущение каждым российским человеком «своей правды». Жизненные типажи, которые могут высказать свою личную точку зрения на мир и на себя, Достоевский искал, перебирая дворянство, чиновников и разночинцев, но социологические характеристики ему не подходили. Его выбор пал на «мечтателей» и так называемых людей из подполья. Писателю было важно не описание героя, а разговор с ним, и даже не разговор, а публичная защита им своей основополагающей идеи. И вот тут-то кроется, казалось бы, осязаемое отличие от наших молодых современников: персонажи Достоевского – это двойники идей, идеологи. А сегодняшняя молодежь кажется далекой от всякой идеологии. Но может быть, просто поменялся тип идей, способ их существования? Откуда-то ведь берутся в современной молодежной среде все новые и новые группы со своим культурным кодом и символикой. Из чего-то вырастает бесконечное

множество смысловых «переулков» креативной «культуры желаемого настоящего». Исследования показывают, что нынешняя молодежная культура имеет «лоскутное качество» и представляет из себя «дайджест» самых разнообразных культурных текстов различных социальных страт, эпох, цивилизаций и этносов. В молодежном сознании специфическими культурными смыслами наполняется все: политические лозунги, этические установки, общественные коммуникации. А что, если именно из-за этого «культурного сценария» социализации современной молодежи идея в ее сознании выступает, прежде всего, как общекультурная практика? Не будем забывать, что именно недостаток практик, которые могут пригодиться в жизни, назвала главным пробелом сегодняшнего образования почти половина опрошенных студентов. Практики необходимы, чтобы проверять ими бесконечный жизненный выбор. В ситуации такого выбора постоянно находятся персонажи Достоевского. Бахтин писал: «...Из каждого противоречия внутри одного человека Достоевский стремится сделать двух людей, чтобы драматизировать это противоречие» (Bakhtin, 1994: 39), столкнув личности-идеи в прямом противостоянии. Писатель, занятый смысловыми глубинами человека, не упускал из виду и проблемы среды, формирующей личность. Множество статей его полемируют с популярной в адвокатской практике того времени теорией среды. Аргумент в пользу любого обвиняемого: «Среда виновата!» вызывал у писателя яростную отповедь. Свобода, которой отмечен каждый поступок его персонажей, противопоставит самой идее «зависимости от среды». Писатель считал: на то и дана человеку свободная воля, чтобы он не шел слепо за своими потребностями, но понимал личную ответственность за выбор. Многие в жизни современного молодого поколения можно объяснить «трудностями среды». Не только школа, но и общество в 90-е годы XX столетия устранилось от воспитания: вместе с «дворами для людей» исчезла и «дворовая педагогика», когда бабушки на лавочке присматривали за всей детской ватагой сразу,

воспитывая вежливость и гарантируя безопасность от чужих. Три десятилетия насилие захлестывает наше телевидение и Интернет, включая детскую мультипликацию. Преимущественно виртуальная «среда обитания» молодежи снижает шансы нового поколения на успешную общественную социализацию и человеческое взросление. При этом темпы жизни резко ускорились, конкуренция возросла. Все это, безусловно, необходимо учитывать, планируя направленные педагогические усилия. Но все это не может служить основанием для извинения моральных проступков или преступлений человека. По Достоевскому, личность во все времена должна осознавать свою ответственность за выбор. Потому что этот выбор есть не только ее собственная судьба, но и во многом судьба мира. Яростный бой, который давал Достоевский теории среды, был связан еще и с тем, что писатель-философ видел корни этой теории в историческом сознании российского народа, связанном с традициями общинной жизни. Безответственность в этом строе жизни поддерживается «круговой порукой», патернализмом, возложением вины на вожака и власть, главенством справедливости над законом, популярностью «робингуудов» и «справедливых» криминальных авторитетов. Эта логика оправдания обстоятельствами заставляла Достоевского еще яростнее отстаивать приоритет ответственности каждой личности за свой свободный выбор. Писатель видел в жизненной среде набор механической необходимости, который человек проживает бессознательно, и считал, что только осознание себя и своих реальных обстоятельств способно преодолеть «приговор среды».

Здесь обнаруживается близость русского философствования Достоевского и Льва Толстого. У Толстого есть запись в дневнике о том, как он стирал пыль в своем кабинете и обнаружил вдруг, что забыл, вытирал ли ее с дивана или нет. Так как эти действия он производил неосознанно, автоматически, и никто другой не видел, никто не сможет засвидетельствовать это, то получается, что этого как бы и не было. Тол-

стой размышлял: если жизнь многих пройдет бессознательно, то эта жизнь как бы и не была (Tolstoy, 1985). Здесь есть немало созвучие с Достоевским: оба мыслителя настаивают на осознанном, рефлексиирующем отношении к жизни. Что же помогает человеку превозмогнуть негативное влияние среды? Ответ у Достоевского есть – это «почва» (Dostoevsky, 1980: 7). Национальная культурная почва с ее нравственными устоями и гражданскими уроками, с традициями русского философствования как осмысления обстоятельств жизни. Сейчас мы бы назвали ее экологией «русского мира», подразумевая его значимость для человечества в совокупности природных богатств, исторических завоеваний нашего народа, нравственных традиций, общечеловеческих принципов и гражданских устремлений. Оторвавшийся от культурной традиции, от почвы человек становится не «человеком мира», каким он себе кажется, а лишь представителем «случайного племени». Только «почва» позволяет человеку критически взглянуть на свой выбор. Ее отсутствие делает личность беззащитной перед властью идеи, и идея легко овладевает человеком без остатка. «Идея ведет самостоятельную жизнь в сознании героя: живет, собственно, не он, – живет идея...» (Engelgardt, 1924: 71). Действительно, в революционном перевороте 1917 года участвовали по большей части бывшие заключенные, городские рабочие, латышские стрелки, польские ссыльные. Их, далеких от русского культурного уклада и традиций, идеи всемирной революции захватили прежде всего.

Какую же роль «почва» способна сыграть в нашу эпоху, когда сознание современной молодежи тяготеет к «лоскутному одеялу» мировых культур, к дайджесту всевозможных культурных символов разных стран и эпох? Полагаем, это не только роль фундамента, опираясь на который молодое поколение может создать что-то новое и «оставить свой след в истории». «Почва» нужна как навигатор в любом конгломерате смыслов и образов, если мы не хотим блуждать в нем бесцельно. Навигатор в виде комплекса гражданского, нравственно-

го и культурного воспитания есть сегодня практически в любой стране. В США и Японии строго отслеживается уважение к патриотическим символам и праздникам, а в Америке есть также традиция украшать классы в школе флагами и фотографиями тех, кем гордишься. Гражданственность в западных странах означает не только соблюдение всех норм жизни, но и своевременные «сигналы» тем, кто эти нормы не соблюдает. Где бы современный человек ни жил, игнорируя реальные общественные законы современной гражданской жизни, он неизбежно окажется отверженным и будет в одиночестве. А опасность одиночества вполне осознается современной молодежью. Обсуждая тему собственного благополучия и счастья, участники студенческой фокус-группы четко сформулировали одно из его условий – «не быть одиноким». Выяснилось, что окружение для них очень важно и счастливыми их делают близкие и друзья, а счастье от осознания собственных успехов стоит только на третьем месте. Жаль только, что мало кто из молодых задумывается об одиночестве отрыва от национально-культурной почвы, о котором повествуют трагические страницы писателей русской эмиграции. По воле истории находясь среди других народов и культур, они ощутили и описали истинную цену острой нехватки культурной «почвы» в жизни человека. В сравнении с западными ценностями они указали нам на великие достижения «русского мира», объединившего народы России, достижения, которых не пристало стыдиться. Но для осознания всего этого надо, как минимум, полистать книги Бунина, Ремизова, Шмелева, Бродского. А время, когда Россия была «самой читающей страной мира», уже явно прошло. Художественную литературу молодые люди, по их собственному признанию, читают редко, нерегулярно и не каждый месяц (98 %), при этом исключительно художественно-развлекательную (100 %). Театр, который также появился как феномен общественной педагогики, потому что позволял взглянуть на себя и общество со стороны, сегодня 50 % опрошенных красноярских студен-

тов посещают только раз в год. Остальные не были в театре вообще 2–3 года. Так как же укрепить национально-культурную «почву» под ногами молодого поколения страны? Как сформировать позитивный молодежный навигатор в мире культурных смыслов, гражданских символов и нравственных установок?

Заключение

По Достоевскому, важнейший способ выбора желаемого будущего человечества – диалог. Если культурный диалог уже является основой существования современного мира, то связанные с культурно-идентификационным способом познания действительности ментальные, гражданственные и нравственные смыслы разных народов и стран по большей части воинственно монологичны; они бытуют в замкнутых идеологических пространствах национальных культур или цивилизационных конгломератов. Но даже внутри одного общества площадки межпоколенческого диалога, где свободно и равноправно – с уважением друг к другу – будут звучать разные голоса современности, сегодня не просто нужны – они насущно необходимы. Российскому обществу важно слышать реальные голоса (идеи, смыслы, направления поиска) молодежи и дать возможность поучаствовать в диалоге с ними тем, кто способен пробудить жажду исследования молодыми их собственных культурных корней, кто может провоцировать у молодежи острый интерес к «лоскуткам» нашей родной культуры и истории. Одной из таких площадок межпоколенческого диалога с самоосознанием и самовыражением молодых людей (своего рода «культурной сценой») может и должна стать школа. Школа не как набор инструментальных стандартов и нормативов, а как те самые «бабушки» со двора, как «душа» нашего общества, как сосредоточение разных «судеб», но при этом одной общей «судьбы» национальной культуры, сшитой из этих «лоскутков» истории и культуры.

Важно, что эти «лоскутки» существуют не только вовне, но и внутри молодежной культуры. Они образуют базовый

фундамент культурных представлений российской молодежи, хотя можно признать справедливым тот факт, что, отталкиваясь от этого фундамента, молодежь в основной своей массе стремится к новизне иных культур и соответствующих им ментальностей, что значительно облегчается возможностями новой технологической реальности. Однако современные культурные молодежные смыслы кажутся нам далекими от российской почвы потому, что наиболее быстро и легко нами считывается именно поверхностный культурный слой. В то время как сам молодежный способ мышления о мире, как показало исследование в среде красноярского студенчества, восходит к культурно-идентификационному методу русского философствования, близкого к дискурсу Федора Михайловича Достоевского.

Современная молодежная культура предстает перед нами как своего рода культурная автономия, формирующая и идентифицирующая внутренний мир личности. Не случайно в ней наиболее емко проявляется творчество и культурное своеобразие эпохи. Однако выходящие у современной молодежи на первый план культурные практики оставляют в тени важнейшие отношения в гражданской и нравственной сферах, где также должен сформироваться необходимый опыт, практические навыки и ответственность молодых людей. Пессимистические настроения сегодняшней молодежи по отношению к этим сферам, стремление жить исключительно желаемым настоящим, при этом не обременяя себя выстраиванием реальных социальных отношений, требуют от общества как серьезной рефлексии, так и практических действий. Необходимо сформировать конкурентное культурное поле в новой технологической реальности, которая сама способна порождать актуальные формы социальных взаимосвязей, сообществ, институций и активно способствовать личностным и социокультурным трансформациям молодежи. При этом исследования российских ученых показывают, что цель у данного социокультурного проекта суще-

ственно шире, чем только успешный опыт практик молодых людей. Как культурная подсистема базовой культуры общества, включающая молодежную систему ценностей и предпочтений, молодежный дискурс и способствующая становлению молодого человека и молодежи в качестве субъекта общественной деятельности и творца культурного идеала, современная молодежная культура сегодня перестала быть сугубо поколенческим феноменом. «Если раньше молодые люди стремились как можно быстрее стать взрослыми или похожими на них, с недавнего времени появилось встречное движение со стороны взрослых.

Они не спешат расстаться со своей молодостью, стремятся сохранить свой молодой вид, заимствуя у молодежи сленг, моду, форму поведения и способы развлечения. Подобное явление свидетельствует о том, что молодежная культура существует и образует в первую очередь феномен именно нашего времени» (Karimova, Shulunova, 2018). То есть речь идет о более значительном сегменте российской культуры, чем собственно молодежная культура; сегменте, в котором формируется «молодежный тип» социокультурных противоречий и который нуждается в навигаторе «почвы» «русского мира».

Список литературы / References

- Bakhtin, M. M. (1994). *Problems of Dostoevsky's creativity*. Kiev, NEXT, 510 p.
- Dostoevsky, F. M. (1974). *Complete works in 30 volumes. Volume 10*. Leningrad: The science. Leningrad Branch, 518 p.
- Dostoevsky, F. M. (1980). *Complete works in 30 volumes. Volume 20*. Leningrad: The science. Leningrad Branch, 432 p.
- Engelhardt, B. M. (1924). *Dostoevsky's Ideological Novel. Dostoevsky. Articles and materials*. Moscow-Leningrad: Thought.
- Fedorova, E. A. (2020). Basic sociological approaches to the analysis of youth subculture, *Internauka*, 2–1, 131, 48–51.
- Gurevich, P. S. (1995). Fundamentalism and modernism as cultural orientations, *Social Sciences and modernity*, 4, 154–162.
- Karlova, O. A. (2008). *Creativity as a territory of progress*. Krasnoyarsk: SFU, 381 p. [in Russian]
- Karimova, E. E., Shulunova, L. I. (2018). Youth culture as a modern phenomenon, *Scientific works of M. Auezov SKSU*, 4, 48, 317–323.
- Kashpar, V. I. (2019). Youth DIY culture: a perspective of cultural and sociological study, *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*, 3, 59–66.
- Medved, E. I., Kiseleva, O. I., Levina, I. D. (2020). Youth culture in the leisure sphere of the Moscow metropolis, *Secondary vocational education*, 12, 304, 37–39.
- Moore, R. (2004). Postmodernism and punk subculture: cultures of authenticity and deconstruction, *The Communication Review*, 7, 3, 305–327.
- Omelchenko, E. L. (2019). Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 1, 149, 3–27.
- Omelchenko, E. L. (2020). *Youth in the city: culture, scenes and solidarity*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 502 p. [in Russian]
- Rodin, K. A. (2021). Dostoevsky Bakhtin and Dostoevsky Rene Girard: comparative analysis, *Res-publica Literaria*, 2, 3, 42–51.
- Shchepanskaya, T. V. (2004). *System: texts, subculture traditions*. Moscow: OGI, 286 p. [in Russian]
- Tolstoy, L. N. (1985). *Diaries 1847–1894. Collected works in 22 volumes. Volume 21*. Moscow: Fiction.
- Volgin, I. L. (2017). *The last year of Dostoevsky*. Moscow: AST: Editorial office of Elena Shubina, 780 p. [in Russian]
- Yusupzyanova, N. R. (2018). Mainstream: youth culture of the digital era, *Youth Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 2, 10, 151–153.